

23 ЛЕК 1981

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

г. МОСКВА

ВЛАСТИТЕЛЬ

ДУМ

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

АЛЕКСАНДР АЛЕКСАНДРОВИЧ Фадеев был властителем дум многих поколений, в том числе и нашего, осознавшего себя в годы Великой Отечественной войны...

С детских лет, еще до того, как я пристрастился к самостоятельному чтению и только слушал по вечерам отца, читавшего мне Пушкина, Жюль Верна, рассказы Мамина-Сибиряка и повести Гарина-Михайловского, Фадеев уже существовал в моем представлении как давно живущий на земле, хотя и неведомый мне пока классик. И лишь позже я узнал, что ошибался, потому что в литературу Александр Фадеев вошел совсем незадолго до того, как я и мои сверстники открыли его для себя — сначала через легендарного Метелицу, а потом и через Левинсона, Бакланова, Сенью Кудрявого... А ощущение классической незыблемости литературного имени сложилось, видимо, от разговоров взрослых, которые в те годы зачитывались и «Разгромом», и «Последним из удэге».

Какое-то время Фадеев был для меня из того же ряда, что и Мамин-Сибиряк, Жюль Верн, Войнич, кого читал мне тогда отец. Но Жюль Верн — это Жюль Верн, он так и остался в детстве, а Фадеев оказался истинным учителем жизни. Да еще и родился он на той же тверской земле, что была и у нас под ногами.

И все-таки Фадеев по-настоящему пришел к моему поколению позже — вместе с «Молодой гвардией». И уже после мы возвращались к «Разгрому» и ранним произведениям писателя, по-новому, по-взрослому осмысливая его суровый реализм и затаившуюся в глубине души столь необходимую нам романтику.

...Это был первый послевоенный год. Только что наступил долгожданный мир, который вместе с праздничным салютом Победы выдал нам, недавним детям войны, аттестаты зрелости. И в горячие июльские дни, готовясь стать студентами и вороша скучные конспекты и надоевшие учебники, мы не просто зачитывались «Молодой гвардией», мы жили той близкой и уже такой далекой жизнью ее героев. А когда вышел фильм Сергея Герасимова, не было, наверное, для нас никого популярнее, чем Сергей Гурзо, сыгравший на экране Сергея Тюленина. Еще чуть-чуть мальчишки, мы пытались подражать Сергею Тюленину — Гурзо, его походке, его удалой лихости, но в душе понимали весь драматизм нашей непохожести, ибо время искало нас для других дел, героизм которых мы еще не ощущали... Это уже потом придут целина, стройки, космос. А пока мы представляли свое будущее как обычную работу.

И все дни и годы ученичества, поисков и открытий жизни каждый из нас испытывал непреходящую печаль оттого, что молодогвардейцы не дожили до нашего времени.

Фадеев писал, что «истин-

ный художник, который в дни великих испытаний думает и чувствует вместе со своим народом, не может не раскрыть во всем, что он делает, лучших сторон своей души». И подтверждением этих слов стало все творчество писателя.

Когда в Литературном институте я впервые увидел Александра Фадеева и, пристроившись в первом ряду конференц-зала, слушал его лекцию о мастерстве, о литературе и о молодости в ней, я мог бы припомнить самые лестные отзывы о таланте Фадеева не только молодежи, но и писателей, давно и прочно вошедших в историю литературы. Но в тот вечер было не до цитат. Я просто слушал большого писателя, убежденного партийца, который каждой своей строкой участвовал в борьбе за души молодых, лепил наши характеры, как лепили их и фронтовые письма, и похоронки, голод, слезы и надежды военной поры...

Фадеев говорил искренне, доверительно, говорил с нами о главном, совсем не заботясь о красоте фразы. Видимо, ему важно было в чем-то проверить себя на нас, молодых. Я помню, как он посуровел, когда заговорил о мелком индивидуализме. Эта тема чрезвычайно волновала его. Свидетельство тому — Павел Мечик и Стахович, в которых он осудил бескрылый индивидуализм. Обычно образы, созданные Фадеевым, были насыщены собственным опытом и личными ощущениями. Но материала для Мечика и Стаховича было маловато в той жизненной школе, которую прошел Фадеев, и писатель восполнил этот недостаток своим воображением, настоящим на резком неприятии подобных людей.

Эти люди жили и действовали на резких переломах истории, но вопреки ей. И писатель жестко и бескомпромиссно осудил их. Так он тоже боролся за чистоту человеческой души.

В литературе не обязательно лишь время все ставит на свои места. «Разгром», например, был оценен по достоинству сразу же при его появлении. Критика дружно рассматривала роман в одном ряду с такими шедеврами прозы 20-х годов, как «Чапаев» и «Железный поток». А время лишь подтвердило справедливость первоначальной оценки.

Мы постоянно возвращаемся к этому произведению, находя в нем все новые и новые отблески того героического и трудного времени, которое освещает многое в нашей сегодняшней жизни, ибо тема «человек и революция» неисчерпаема для размышлений. И, может быть, мальчишки тридцатых годов были не так уж далеки от истины, когда в ту «домолодогвардейскую» пору почитали Фадеева классиком.

Александр Фадеев совершил творческий подвиг, убедительно и ярко показав нам, как боролись и погибали герои, ставшие частью нашей общей жизни.